

Центр стратегических оценок и прогнозов

www.csef.ru

**Круглый стол
«Трансформация форм и способов
выражения социального протеста в
условиях формирования глобального
информационного общества»**

25 декабря 2011 г.

Москва – 2011

Участники

Армения

Рачья Арзуманян

Зам. главного редактора журнала «Анив» (Степанакерт), эксперт Центра стратегических оценок и прогнозов (Москва), кандидат технических наук.

Кыргызстан

Эсен Усубалиев

Руководитель аналитического центра «Разумные решения», кандидат исторических наук.

Белоруссия

Юрий Баранчик

Руководитель информационно-аналитического интернет-проекта «Империя», кандидат философских наук.

Узбекистан

Ойбек Махмудов

Политолог, независимый эксперт.

Россия

Сергей Гриняев

Руководитель Центра стратегических оценок и прогнозов, доктор технических наук.

Украина

Владислав Гулевич

Политический аналитик информационно-аналитического еженедельника "Час пик".

Сергей Александров

Независимый эксперт.

Общий контекст «круглого стола»

Митинги на Болотной площади и проспекте Академика Сахарова в Москве, приуроченные к итогам выборов в российскую Госдуму и собравшие по разным оценкам до ста тысяч человек, стали и крупнейшими протестными мероприятиями в России со времен «лихих девяностых». Оценка действий властей накануне и в период выступлений показал, что она не вполне осознает происходящее, чувствовалась некоторая нервозность в принимаемых решениях.

Но ситуация в Москве не стала чем-то неожиданным. Подобного развития событий ждали, о нем предупреждали, к нему готовились. Ведь до этого была «оранжевая революция» в Киеве, была «арабская весна», были события в Киргизии, Армении, Белоруссии. Западный мир также не остался в стороне: Париж, Лондон, Рим, Афины и Вашингтон стали местом активного выступления различных протестных групп.

Но реальность оказалась существенно более иной, нежели это виделось изначально: мобилизующий потенциал оказался гораздо более сильным и притягательным, а мощь толпы гораздо внушительнее, чем это виделось на экранах в репортажах из других далеких точек противостояния власти и толпы.

К сожалению, объединяющим для большинства протестов последних месяцев (и даже лет), стало реальное ухудшение жизни большинства граждан – финансовый кризис, бушевавший последние годы, сделал свое дело, существенно подорвав доверие к власти. При прочих равных можно было бы предположить, что устроители кризиса ставили перед собой именно эту цель – финансовыми проблемами дестабилизировать власть в ряде проблемных регионов, добиться нарастания протестных настроений в обществе и использовать их в качестве катализатора при реализации уже отработанных сценариев «бархатной революции».

Вслед за Москвой вспыхнул Казахстан. И здесь, по мнению большинства аналитиков, социальный протест уже явно был использован и направляем с целью дестабилизации одного из наиболее значимых геополитических процессов последних месяцев – формирование Таможенного Союза.

Существенным отличием нынешней волны протестов от их прообразов пятилетней давности стало масштабное использование высоких технологий. Прежде всего – технологий мобильной связи и интернет, активно использовавшихся для мобилизации протестных групп. Twitter и Facebook стали практически такими же неотъемлемыми атрибутами социального протеста, как до этого лицевой платок, «коктейль Молотова» и портрет Че Гевары.

Интересной была и позиция СМИ – они живо комментировали погромы и манифестации, стремясь всеми доступными способами преувеличить и раздуть масштабы происходящего. Причем живо комментируя погромы за рубежом, СМИ так же рьяно начинали работать и по своим собственным «бунтарям». Казалось бы – зачем самим увеличивать аудиторию, которой доступна информация о протесте? Ведь это одно из неизменных условий успешной борьбы, в частности, с проявлением террора – не давать доступа террористам к СМИ.

Предварительный анализ показал, что в технологической основе протестов много общего – и в Каире, и в Минске в среде митингующих распространялись листовки примерно аналогичного содержания: как экипироваться, как бороться с полицией, как захватывать административные здания. Стиль подачи материала настолько был единообразным, что однозначно выдавал и единый источник такого рода материалов. Отличался, по сути, лишь язык этих листовок.

Общим являлось и то, что во всех случаях власть, как правило, начинала бороться лишь с видимым проявлением самого протеста: разгонялись манифестации, арестовывались участники и др. Такого рода действия живо подхватывались СМИ, демонстрируя жестокость и негибкость власти, что лишь умножало число сторонников и сочувствующих «бунтарям».

Так что же происходит? Последние события в ряде стран (включая Россию) это действительно социальный протест, заявленный в условиях информационного общества, или некая новая социальная технология? Чего ждать завтра, когда информационные технологии проникнут еще глубже в еще более широкие слои населения? Насколько общими по технологическим основам и идейному базису протесты в странах ЕС, США, арабском мире и в СНГ? С этими и другими вопросами мы обращаемся к нашим экспертам.

**1. Ваша оценка происходящим протестам (арабский мир, ЕС, США, СНГ).
Есть ли в них общее (по технологиям и формам) или это совершенно разные явления?**

Рачья Арзуманян (Армения)

Общность технологий и форм безусловно присутствует и думаю не вызывает сомнений. Вопрос скорее в другом - насколько происходящее в мире является результатом осознанной политики, призванной оформить глобальную среду безопасности, а насколько – объективным процессом, разворачивающимся помимо воли и желаний акторов глобальной арены? Являются ли напряженность и так называемые революции объективным следствием общественного развития или это субъективный процесс? Является «глобальное политическое пробуждение» планеты объективным следствием процессов глобализации, или мы все же имеем дело с присутствием воли, сознательными действиями акторов, инициирующих пробуждение. Если это субъективный процесс и результат действий акторов, то формирование отклика, будучи сложной задачей, тем не менее, является решаемой. Если мы сталкиваемся с объективным процессом и последствиями развития глобального мира, то формирование отклика становится качественно более сложной задачей и требует усилий другого порядка. Причем сегодня, сейчас невозможно сказать насколько успешным будет подготовленный отклик. И третий, наиболее сложный сценарий, когда мы сталкиваемся с объективными по своей природе процессами, которые пытаются оседлать те или иные акторы или центры силы. В этом случае приходится решать двоякую задачу – формировать отклик как на действия акторов, которые являются субъективными по определению, так и на объективные процессы. На мой взгляд, мы сталкиваемся с третьим сценарием.

Могут ли данные процессы дестабилизации коснуться Армении? Безусловно, да. Более того, ретроспективный взгляд показывает, что события марта 2008 года в Ереване должны быть описаны в терминах последовавших затем «революций» нового типа. То, что события тогда не были оценены как новый этап и новая форма дестабилизации государств, можно объяснить отсутствием тогда сравнительного ряда. В 2008 году мы видим большую демонстрацию в столице, агрессивное поведение демонстрантов, накачиваемых разрушительной энергией, призванной привести к смене власти насильственным путем. Армянская власть в те дни не просто зашаталась, но была близка к падению, будь Левон Тер-Петросян, первый Президент РА, более решителен и согласись направить сотни тысяч возбужденных демонстрантов на взятие президентского дворца. В результате нерешительности лидера оппозиции разрушительный потенциал толпы был направлен на погромы, которые удалось остановить только благодаря применению вооруженной силы и появлению жертв. Поведение, которое позже можно было видеть и в других столицах.

Несколько в других формах (но в рамках той же логики) могут развиваться процессы и на Северном Кавказе, если расширить рассматриваемый и включить к него формы напряженности и вооруженной активности, которую можно наблюдать в Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии. Это требует постановки сложной задачи и вопроса – имеем ли мы право объединять в единый континуум противоборства как «цветные революции», так и контрповстанческие операции (COIN), проводимые как Западом, так и Россией на Кавказе. Должны ли мы говорить о некоторой общей парадигме напряженности, в рамках которой повышается температура среды безопасности 21 века, с применением тех или иных форм насилия. Интуитивно я склоняюсь именно к такому выводу, когда граница между «цветными революциями» и COIN становится пористой и легко преодолеваемой. К сожалению, такого рода вопросы, требующие целостного системного взгляда на среду

безопасности 21 века в целом и на дуге нестабильности в частности, сегодня не ставятся и не обсуждаются.

Юрий Баранчик (Белоруссия)

Прошедшие в декабре 2010 года президентские выборы в Беларуси почти совпали с начавшимися в том же месяце волнениями в арабском мире (события в Тунисе и Алжире), перекинувшимися впоследствии на Египет, Ливию и т.д. Это временное совпадение послужило причиной того, что часть экспертов сделала вывод о том, что эти события - звенья одной цепи, и лишь по счастливой случайности (альтернатива - сплоченности силовиков и крепкой руке Александра Лукашенко) Беларусь смогла избежать смены власти.

Как показывает анализ, различий в произошедшем в Беларуси и в странах Арабского Востока гораздо больше, чем сходств. Главное, конечно, не количество различий и сходств, а их качество. И в этом плане различия носят также более содержательный характер. Сходства носят больше формальный характер. *Во-первых*, оппозиция выдвинула требования к властям. *Во-вторых*, действия оппозиции в преддверии выборов поддержал Запад, в том числе – финансово и организационно.

Первый пункт традиционен - во всем мире оппозиция выдвигает требования к властям. Другое дело, в чем состоят эти требования. И тут мы видим существенные различия. В странах арабского Востока происходящие события не вписывались в действующее законодательство, в том числе, Конституцию, носили хорошо организованный Западом "спонтанный" характер и имели форму мятежа. В Беларуси проходили очередные выборы, и требования оппозиции, поддержанные, кстати, значительным количеством избирателей, носили вполне законный характер - организовать честный подсчет голосов. Не более.

Когда же это требование избирателей властями было проигнорировано, и даже наблюдатели не могли фиксировать процесс голосования (например, так, как это было на последних президентских выборах на Украине), а там, где они получили доступ к протоколам, то цифры этих протоколов существенно (в разы) расходились с официально заявленными данными, в том числе и по этим участкам, то, естественно, оппозиция призвала к публичным акциям протеста. К которым, как показали события 19-20 декабря, сама была не готова.

На Площадь в Минске, во-первых, вышло гораздо больше людей, чем планировала оппозиция, и это повергло ее в шок, она не смогла справиться с подобным количеством людей и допустила вовлечение отдельных граждан в провокации. *Во-вторых*, основная масса вышедших на Площадь в Минске людей не была настроена прозападно, т.к. говорила на русском языке. Вышла образованная часть горожан и средний класс Минска, которые настроены вполне пророссийски. Своим выступлением демонстранты выражали свой протест против существующих в Беларуси политических и экономических порядков, а отнюдь не поддерживали прозападных лидеров оппозиции.

Что касается второго пункта - поддержки Запада - то тут ничего нового нет. Это факт, Запад традиционно по поводу и без повода ищет любой шанс, любую возможность, чтобы расширить сферу своего политического влияния.

Это то, что касается формальных сходств. Теперь рассмотрим содержательные различия.

Сравнение "революций" в странах Арабского Востока и ситуации в Беларуси показывает два принципиальных различия. Во-первых, в Беларуси проходили запланированные очередные выборы президента. Ни в одной из стран Арабского Востока,

где начались волнения, выборов главы государства и парламентских выборов не было. Выступления начались "спонтанно", люди вышли на площадь требовать смены власти без всяких на то оснований, что позволяет причислить эти события в разряд переворотов, поддержанных и осуществленных с помощью Запада.

Во-вторых, в Беларуси, как в ходе выборов, так и после них, никто не призывал к незаконному свержению власти. Требования касались исключительно обеспечения прозрачной процедуры подсчета голосов, которая и должна была выявить настоящего победителя. И к этому требованию нельзя предъявить никаких вопросов - оно находится полностью в рамках демократической парадигмы. Совершенно другие требования были выдвинуты арабской улицей - режимы должны уйти без выборов, досрочно и бесповоротно. В одних случаях мы видим, что это требования протестующих властями было удовлетворено (Тунис, Египет), во втором - нет (Ливия, Бахрейн, Йемен). В одном случае, исходя из своих геополитических установок и откровенно демонстрируя двойные стандарты, Запад встал на сторону мятежников (Ливия), во втором - на сторону власти (Бахрейн, Йемен).

Есть и еще один важный момент. Поводом для трагических событий 19-20 декабря в Минске стали президентские выборы, вернее, тот факт, что, по мнению основных политических сил страны, голоса избирателей на этих выборах считались не в соответствии с демократическими нормами. Т.е. речь шла о несоблюдении неких правил и стандартов. В странах Арабского Востока народ протестовал, с одной стороны, против бедственной социально-экономической ситуации, с другой, против закостеневших политических режимов, которые правят этими странами по несколько десятков лет, и за политические реформы. Некоторое совпадение интересов митингующих в Беларуси и в странах Арабского Востока наблюдается как раз по второму пункту - отсутствия политических реформ.

Т.е., основной событий в Беларуси послужила стандартная демократическая процедура - выборы, в то время как в странах Арабского Востока накопившиеся социально-экономические и общественно-политические противоречия, в результате чего народные волнения переросли в антиконституционные перевороты, которые закончились в ряде стран сменой власти, изменениями в законодательстве и Конституции, и новыми досрочными выборами президентов и парламентов.

Сергей Гриняев (Россия)

Волна протестов, начавшаяся в странах Северной Африки в 2010 году и прокатившаяся сначала по Ближнему Востоку, а затем по странам Европы, Америки и СНГ явила собой знамение новой эры. Причем новой эры не только в социологии, но и в геополитике. Формально, волна протестов стала лишь отражением тех изменений, которые копились в современном обществе последние десятилетия.

То, что электоратом легко управлять и для этого можно эффективно использовать приемы рекламы обиходных товаров, политики хорошо уяснили еще с начала XX века – со времени начала активного использования и продвижения рекламы и рекламных технологий.

В России пик использования политтехнологии достиг в середине 90-х годов прошлого века, когда выборы любого масштаба зависели только от профессионализма команды политтехнологов. О массах никто и не вспоминал – на практике хорошо работали универсальные положения управления ими, разработанные еще А.Грамши.

Но времена меняются. Всестороннее проникновение информационных технологий, а также приращение сознания от массового внедрения рекламы любых видов и

направлений сделали свое дело – толпа в ее прежнем понимании стала разваливаться на более компактные, но при этом более устойчивые образования, в которых особое место стал занимать Человек. Сегодня простой обыватель стал лучше разбираться в навязчивой рекламе, он стал более избирательно подходить к восприятию качества собственной жизни, что заставил его проявить более четкую жизненную позицию. А от этого уже недалеко и до участия в политических мероприятиях.

В росте самосознания отдельных индивидов толпы, на мой взгляд, основное отличие народных выступлений сегодня и несколько лет назад – сегодня массы становятся более осознанными, что предъявляет к политикам более высокие требования, заставляет их не только полагаться на технологии управления толпой, но еще и что-то все же исполнять из собственных обещаний.

Эсен Усубалиев (Кыргызстан)

Я, пожалуй, обобщу два вопроса, так как они перекликаются между собой. На тему арабских революций, а также событий в других странах, в той или иной степени связанных с массовым выражением протеста «улицы» уже написано достаточно много и рассмотрены все возможные версии. Однако, на мой взгляд, во всех этих событиях общее только одно – применение современных технологий для мобилизации, управления и направления масс для решения конкретной задачи – изменение политического строя в той или иной стране, говорим ли мы о Тунисе, Египте либо о Ливии и Сирии. У этих «технологий» есть и побочный региональный эффект в виде ситуации в Йемене (по этой стране оценки Западных СМИ были весьма сдержаны) и Бахрейна, где мировые СМИ «стараются» не замечать протесты и жертвы мирного населения.

Как гражданин страны, которая пережила две «революции» в 2005 и 2010 гг., отмечу, что события в Кыргызстане прошли по «обкатанному сценарию» очень схожему с революциями в арабском мире – дестабилизация в регионах и ослабление центральной власти, отвлечение военных и иных ресурсов, затем стремительный поход в столицу, где в результате непродолжительных митингов (от 2 до 10 дней) происходила смена власти. Все это наводит на мысль о том, что события в Грузии, Украине и затем в Кыргызстане – полигон для апробации новых технологий революции, которые уже нашли применение в арабском мире в 2011 году.

Важным отличием «киргизских революций» от схожих событий, скажем в Египте – это отсутствие традиции мирных собраний, мирного выражения протеста. Не стоит забывать, что длительное время на улицах Египта население не предпринимала насильственных акций. У кочевых культур, в частности кыргызов (думаю это историческая особенность) мобилизация населения возможна либо для войны, либо для бегства (смены кочевья). Этим и объясняется то, что в период двух революций в Кыргызстане не было длительных митингов и собраний. Как только мобилизация населения достигает «критической массы», население быстро радикализируется (либо поддается быстрой радикализации) и требует решительных действий.

К примеру ситуация в Казахстане, где также была предпринята попытка локальной дестабилизации в Жанаозене, отмечались схожие моменты – после того как в абсолютно мирный и не политический протест нефтяников (длвшийся более 7 месяцев) были внедрены радикально настроенные молодые люди, сразу была предпринята попытка резко изменить ситуацию в городе и перспективе Мангыстауской области. Но здесь, на мой взгляд, безуспешность этой попытки предопределили два фактора – малочисленность и разрозненность групп восставших, а также решительность и жестокость власти, которая пошла на вооруженное подавление протеста.

Безусловно, технологии мобилизации масс и организации политического протеста – это новый и весьма эффективный инструмент геополитических игроков, который в дальнейшем будет только совершенствоваться.

Ойбек Махмудов (Узбекистан)

На мой взгляд, в происходящих протестах во всех странах есть общее по имплементации политических и информационных технологий. Технологии эти включают, прежде всего, внешнее воздействие на население посредством масс медиа, информационных технологий. Активно использовались созданные специально для этой цели пропагандистские блоги, которые эффективно призывали молодежь к участию в деструктивных акциях. Это было характерно как для североафриканских и ближневосточных стран, так и для стран СНГ. Однако протесты, прошедшие в США, вызваны больше внутривнутриполитическими и экономическими проблемами.

В прошедших протестах в странах Северной Африки, стран Ближнего Востока и СНГ были применены схожие методы социального инжиниринга, проектируемые западными мозговыми центрами, по внедрению так называемых “демократических” стандартов, которые оказываются неприемлемы странами со своими устоями и ценностями.

Полагаю, что протесты в СНГ направлены на блокирование геополитических конфигураций и разлома региональных блоковых объединений и организаций, которые противоречат политике мировых акторов, так как это затрагивает их “национальные интересы”.

Как правило, деструктивные мятежи происходят в богатых сырьевых и энергодобывающих странах, где провоцирование внутренних конфликтов приводит к политической и экономической нестабильности. Это в свою очередь дает повод внешним акторам укрепить свое влияние через внедрение частных военных компаний, а затем - транснациональных корпораций.

Организованные протесты имеют далеко идущие последствия. Американцам на руку ограничивать влияния КНР и РФ в ряде энергетических регионов. Так как у обеих стран сосредоточен в этих регионах серьезный интерес. В частности, КНР планирует инвестировать в инфраструктуру к югу от Сахары в Африке более 70 миллиардов долларов. Больше половины инвестиций Китая должны пойти на развитие инфраструктуры. На сегодняшний день объем торговли между Африкой и КНР достиг более 114 миллиардов долларов, а инвестиции КНР в Африку к 2015 году достигнут 570 млрд. долларов.

Результатами протеста целенаправленно были увеличены политические и экономические риски для присутствия китайских и российских компаний, что уже привело, в частности, к потере ряда нефтяных контрактов для РФ в Ливии и ряде других арабских стран. Также в Ливии сократили работу 75 китайских компаний, а общие потери в Ливии составили более 20 млрд. долларов. В целом, можно сказать, что данные протесты привели к геоэкономическим потерям в данном регионе для КНР и РФ.

Следует учитывать, что протесты в Сирии приведут к геостратегическим потерям и негативным последствиям, прежде всего для РФ.

Сергей Александров (Украина)

Во всех без исключения упомянутых выше странах и их союзах накоплен тот или иной протестный потенциал. Но в каждом конкретном случае у него есть свои уникальные причины, особенности, вероятности и формы проявления.

При этом следует понимать, что каждая страна характеризуется той или иной степенью уязвимости от внутренних и внешних факторов, вызывающих массовые протесты.

Если, например, в случае с Ливией в событиях была очевидна заинтересованность внешних сил, то в Украине в протестных проявлениях заинтересована в первую очередь внутренняя оппозиция, которая не привыкла брезговать ничем во имя реализации своих бизнес-политических амбиций.

Общность заключается в том, что «цветные революции» в данном случае используются лишь как инструмент в руках тех или иных сил, позволяющий им достигать своих целей в изменившихся условиях, когда открытые формы насилия, прежде всего применение вооруженной силы, несут в себе ряд рисков и угроз для их инициаторов.

Владислав Гулевич (Украина)

Эти протесты объединяет одно – их рукотворность при множестве поводов, предоставленных властями для таких возмущений. Некоторая доля стихийности присутствовала в бунтах в европейских странах, хотя и там протестный потенциал населения пытались обыграть местные политические группировки, особенно маргинальные (как анархисты в Греции). Акция «Оккупируй Уолл-Стрит» тоже не стихийна, и даже появлялась информация о том, что это не более чем умелая комбинация по «выпуску пара» недовольных слоёв, помноженная на внутрирыночную борьбу финансовых кланов.

При этом власти не в состоянии тонко и мягко нейтрализовать подобные настроения. Дело практически всюду доходит до арестов и задержаний (в т.ч. в США), потому что власть начинает действовать, когда уже всё созрело для протеста, а не до того.

На Украине на площадь вышли чернобыльцы, были столкновения с милицией. Власть довела ситуацию до крайнего накала, ибо не в состоянии нести финансовое бремя социальных затрат. Экономическая ситуация на Украине будет только ухудшаться, т.к. нет абсолютно никаких предпосылок для её улучшения. Самые выгодные для себя проекты (напр., Таможенный союз) Киев игнорирует в пользу прозападной ориентации украинских олигархов. От этого выиграют лишь несколько семей, но никак не население. Поэтому глухое озлобление против властей будет только нарастать. Тем более что среди правящей элиты идёт внутренний передел сфер экономического влияния, в ходе которого обязательно появятся недовольные, но ещё достаточно богатые оппоненты действующей власти .

Оппозиция утверждает, что знает выход из ситуации, но это блеф, потому что украинская оппозиция – содержанка Запада, а Украина, как стабильный экономически и политически сосед России, не в его интересах.

2. Сегодняшний протест это технология в руках геополитических игроков, механизм политической борьбы или новое явление, родившееся в результате глобальных социальных трансформаций самих основ современного общества? Каковы его национальные особенности?

Рачья Арзуманян (Армения)

Выше я дал ответы на некоторые аспекты, подводящие к выводу, что предикат «или» в данном случае становится неадекватным. Это и механизмы политической борьбы, и результат глобальных трансформаций. Времена простых решений закончились. Более того, учитывая географическое положение Армении, Кавказа, являющегося фокусной точкой геополитического противоборства, остаться на периферии разворачивающихся процессов не удастся. Сказанное справедливо и для России в целом.

Можно ли говорить о национальных особенностях? Скорее да, чем нет. Но играют ли они решающую роль в том или ином случае требует внимательной оценки. Так как рассматриваются глобальные по своей природе процессы, национальное перестает играть ведущую роль и становится фактором, опираясь на который формируется отклик на глобальные вызовы. Такой взгляд на проблему адекватен для армянского случая, Армянства, которое является глобальным явлением, благодаря наличию диаспоры, обладающей вековым опытом функционирования на глобальном масштабе в рамках глобальной систем – культурных, торговых и проч. Однако армянский народ в данном случае чересчур специфичный случай и опыт, чтобы его можно было рассматривать в качестве чего-то, что может быть перенято и использовано другими.

Гораздо более важным и актуальным для Кавказа и России в целом представляется оценки, каким образом фактор национальных особенностей может быть использован глобальными акторами для достижения поставленных целей.

Юрий Баранчик (Белоруссия)

В основе сегодняшних протестов по всему миру лежит информационная свобода, то, что люди могут получать беспрепятственно информацию как о событиях внутри своих стран, так и о мировых процессах. Это способствует пробуждению народных масс. С другой стороны, конечно, этот протест используется определенными мировыми силами, прежде всего, США и странами НАТО, которые лучше остальных мировых игроков подготовлены к информационным противоборствам и к организации социальных протестов. Однако это вопрос и к другим мировым игрокам, т.к. никто не мешает им использовать информационную свободу в своих целях, доносить свою систему ценностей и через социальные протесты навязывать свои дружественные режимы в других странах. Поэтому, говоря об использовании США и их партнерами протестных тенденций в разных странах в своих интересах, мы должны гораздо больше задавать вопросы своим политикам – почему они не играют на должном уровне на мировой геополитической арене, отдавая все на откуп американцам и играя, по сути, в режиме оперативного реагирования, а не стратегического планирования

Сергей Гриняев (Россия)

Считаю, что нынешний этап развития социальной активности в обществе есть видимый результат трансформаций, которые испытывало общество последние десятилетия. Наивно было полагать, что инструменты, которые так хорошо работали несколько десятилетий, когда путем пропаганды можно было достичь повиновения

широких масс, останутся одинаково эффективными и спустя десятилетия. Да, человеческая природа кардинально не изменилась, и многие технологии по-прежнему могут быть эффективны, но среда обитания человека изменилась кардинально, а это не могло не найти отражения и способности реагировать на внешние изменения.

События в большинстве стран (я подчеркиваю – именно в большинстве, но не во всех) показали, что долгие годы использования внутренней пропаганды усыпили бдительность нынешних администраций – как и прежде, они понадеялись на эффективность прежних технологий, но, как показала реальность, время уже ушло.

Вслед за изменениями в обществе, структура власти должна была также измениться. И мы с вами наблюдали подобные попытки. Достаточно вспомнить, хотя бы, такие российские программы как «Электронная Россия» и «Информационное общество». По большому счету эти и аналогичные им программы и должны были реализовывать те изменения в структуре власти, которые позволили бы ей соответствовать современным реалиям. Но практика показала, что разработчики программ оказались не способны к стратегическому осознанию происходящих изменений. Все вылилось в банальное строительство еще большего количества компьютерных сетей.

Однако, как я отметил выше – ситуация оказалась неожиданной для большинства, но не для всех, хотя некоторые реагировали уже вслед начавшимся протестам. В частности и США, и Израиль достаточно быстро «ухватили» идею и стратегическое значение происходящего. Буквально в считанные месяцы ситуация была поставлена на службу интересам этих государств.

Кстати, события в арабском мире активно обсуждались на разных уровнях и в России, но принципиального вывода из произошедшего (как показали последующие события) сделано не было. Все опять крутилось лишь вокруг технологических и технических вопросов контроля и блокирования Интернет.

Безусловно, то, что мы видели в последние месяцы, как и любое явление, могущее иметь двойное применение, сегодня уже поставлено «на поток» - глобальные игроки, новая мировая элита – нетократы, совершенно четко и однозначно оценивают эффективность приемов мобилизации масс. События, начавшиеся в арабском мире, были успешно «клонированы» в беспорядках в Лондоне, а позднее - движении «захвати Америку».

Ойбек Махмудов (Узбекистан)

Сегодняшние протесты по своей стратегии не новы, только тактика и методы изменились в связи с информатизацией общества. Мятежи происходят в основном в регионах, обладающих важным геополитическим и геостратегическим значением. И то государство, которое усилит свое влияние в этих регионах и будет влиять на мировой политический процесс.

Следует, однако, учитывать особенности протекания указанных протестов в регионах. Необходимо учитывать различные факторы, такие как: географические, религиозные и социокультурные. Для населения стран Ближнего Востока и стран Африки, характерна, в частности, его политизированность. Тем самым еще более усугубляется положение, которое перерастает в серьезный и неуправляемый конфликт. В данных регионах мятежи провоцировались, как правило, неправительственными организациями, которые в своих тренингах внедряли информацию о развитии специальных политических программ и усиливали призывы религиозных лидеров к участию в управлении государством. В странах же СНГ во многих случаях заметную роль играет социально-

экономический фактор. Тем самым протесты моделировались зарубежными идеологами исходя из географических факторов, которые влияют на поведение местного населения.

Создание нестабильной ближневосточной дуги будут продвигаться в сторону российско-китайских границ. В среднесрочной перспективе можно ожидать, что следующий мятеж будет уже в Пакистане.

Сергей Александров (Украина)

Технологии современных «революций» напрямую связаны с переходом человечества в информационную эпоху своего развития.

Если следствием индустриальной эпохи стали преимущественно «войны моторов», то в современных условиях акценты смещаются в сторону различных видов информационного противоборства.

В свою очередь, одним из многочисленных вариантов проявлений такого противоборства становятся «цветные революции», которые во многом основаны на «правильном» использовании информационного пространства.

Владислав Гулевич (Украина)

Это стратегические игры геополитических игроков, эффективно использующих последние достижения техники в своих целях. Т.е. это амальгама технологий с трансформацией основ современного общества, в т.ч. на консервативном Востоке. Мне на глаза попался как-то аналитический доклад одной американских НПО, где было указано точное количество абонентов мобильной связи в Иране, Сирии и др. ближневосточных государствах. Позже СМИ сообщили о новом техническом веянии «от Госдепа США» - продаже устройств мобильной связи в определённые страны с уже вмонтированными инструкциями по организации социальных протестов. Добавьте сюда факты проведения тренировочных семинаров, в т.ч. и на территории Соединённых Штатов, для будущих оппозиционеров, и станет предельно ясно, что без геополитики тут не обошлось.

Но и общество претерпело изменения. Аристотель полагал, что средний класс, как воплощение отсутствия пропасти между бедными и богатыми, как социальный «перешеек» между низшими и высшими слоями общества, залог политической стабильности государства. Но сегодня над средним классом возвышаются не просто богатые, а очень богатые люди. Социологически понятие среднего класса осталось неизменным. Высший же класс из богатых перешёл в категорию сверхбогатых, и сегодня мы видим пропасть не только между бедными и богатыми, но и между средним классом и сверхбогатыми.

Касаясь национальных особенностей, отмечу, что к каждому режиму, приговорённому на слом, Вашингтон ищет свой подход. Например, в Иране мишенью для информационных нападков служит иранская теократия, а в России – русская патриотическая идея во всех её измерениях – от историографической до философской. В Белоруссии и Украине искусственно подогревают русофобский национализм, а в Молдавии стараются параллельно с русофобией поддерживать румынофильство. Неизменным остаётся одно – насаждение либеральных идеологических установок без учёта исторических, религиозных, мировоззренческих, экономических основ местного общества. Американский дипломат Стивен Манн писал, что демократия – это саморазвивающийся вирус, работающий на США. Комментарии излишни.

3. Какова должна быть реакция власти на такого рода выступления? Должна ли измениться структура самой власти и как, чтобы соответствовать изменениям в обществе?

Рачья Арзуманян (Армения)

Безусловно, власть должна измениться и структурно, и функционально. Причем должно прийти понимание, что в рамках старой парадигмы государственной власти не удастся сформировать адекватный отклик. И это серьезная проблема, если вспомнить, что власть опирается не только на объективные факторы, но является и психофизической реальностью, опирающейся на культуру и коллективное бессознательное народа. Каким образом можно трансформировать власть, чтобы не вызывать тектонических сдвигов в культурной матрице народа? Каким образом избежать «большевизма», который в конечном счете оказывается проигрышной опцией. Тот же многовековой опыт России недвусмысленно показывает тупиковость формирования отклика на качественно другие вызовы «большевистским» образом. В лучшем случае это может рассматриваться как тактический ход, позволяющий «заморозить» на некоторое время процессы, однако подлинный отклик требует пересмотра основополагающих принципов и идей, на которых строится государство, общество.

Юрий Баранчик (Белоруссия)

Анализ событий в мире показывает, что силовыми методами проблему протестных настроений не решить. Дубинка – это не политический инструмент, а репрессивный. Можно использовать ее долго, но конец такой политике все равно обеспечен, если страна не хочет стать очередной Северной Кореей. Соответственно, власти должны быть заинтересованы в росте политического самосознания общества, в формировании тех общественно-политических сил, которые на добровольной, подчеркиваю – добровольной основе будут в режиме уличных мероприятий защищать действующую власть, если есть что защищать. Если в обществе нет значительных самостоятельных сил, которые готовы защищать действующую власть, то скорый конец такой власти сегодня очевиден.

Сергей Гриняев (Россия)

Полагаю, основной реакцией власти должно стать осознание произошедших изменений. Необходимо понимание того, что многое из того, что было эффективно вчера, сегодня уже теряет свое значение.

Логичным выводом, следующим из осознания происходящего, и, главное, в усвоении уроков должно стать понимание того, что если не предпринять действенных мер, то ситуация будет усложняться и далее и в обозримой перспективе попросту выйдет из под контроля. Поскольку объект управления изменится настолько, что созданная система управления им (государственный аппарат) станет попросту неадекватной.

Выводы должны быть сделаны не только в области технологий управления толпой, но и, что особенно важно, в области внутренней структуры самой власти. Следует понимать, что современное общество сетевизировалось гораздо больше, чем властная структура. Для эффективности власти сегодня необходимые кардинальные изменения во властных механизмах, которые заключались бы в выстраивании внутренних сетевых структур, которые позволили бы максимально приблизить власть к субъектам общества. В новой структуре власти не останется места таким конструкциям, как «вертикаль власти» и

«ручное управление страной» - то, к чему это приводит, мы все наглядно наблюдали, в частности, в России.

Эсен Усубалиев (Кыргызстан)

Полагаю что в данном случае (инспирированных извне революций) это вопрос не изменения структуры власти, не ее податливости влиянию извне, это скорее вопрос повышения информационной и духовной безопасности государства, сохранения национальных и культурных основ и специфики общества и модернизации подходов к их применению в реалиях современного общества.

Ойбек Махмудов (Узбекистан)

Прежде всего, на подобные деструктивные акции государство должно реагировать оперативно в отношении зачинщиков и руководителей мятежей, так как опасности подвергаются в большинстве случаев мирные жители. Также необходимо объективно отражать события в местных СМИ и параллельно создавать независимые информационные центры в регионах, что в свою очередь, предотвратит искажение информации, обычно тенденциозно интерпретируемой внешними масс медиа.

Нет необходимости кардинально менять систему, эффективнее будет ее модернизировать, одновременно повышая политическую грамотность и образование среди молодой части населения.

Сергей Александров (Украина)

Во-первых, власть должна быть, прежде всего, государственнической. В этом случае отпадают многие причины потрясений, а также решаются вопросы легитимности реализации властью своего права и обязанности реагировать на те или иные угрозы, в т.ч. силовым путем.

Во-вторых, власть должна быть достаточно сильной во всех возможных проявлениях. Это является сильным сдерживающим и отрезвляющим фактором для недругов.

В-третьих, сила власти в информационную эпоху во многом определяется ее возможностями контролировать информационное пространство, как «свое», так и «чужое».

Говорить нужно не о смене структуры власти, это следствие. Первичным является то, как власть желает и способна устранять причины и предпосылки конфликтов и противоречий, а в случае их возникновения – предотвращать и сдерживать недругов. И лишь затем – отражать любую агрессию, независимо от того, в какой форме и в каком пространстве она осуществляется: информационном, космическом и т.п.

Следует понимать также то, что власть представлена теми или иными элитами. И одним из условий выживания элит является их т.н. открытость, что означает возможность для тех или иных политических игроков также оказаться причастными к элитам, в т.ч. получить власть (или ее часть) законным путем. В противном случае закрытость элит вынуждает т.н. «новые силы» искать «альтернативные» способы прихода во власть. Поскольку в политике, как в международной, так и во внутренней, при выборе форм и способов действий безговать не принято, оказываются востребованы технологии «цветных революций» и им подобные действия.

Владислав Гулевич (Украина)

Власть должна действовать задолго до социального взрыва. Для начала нужно набраться политической смелости, и заставить западные НПО прекратить свою подрывную деятельность в республиках СНГ. Сильные государства решают свои проблемы на чужой территории, слабые – на своей. СНГ приходится решать проблемы на своей территории.

В каждой постсоветской республике имеются сторонники (искренние или поддельные, это другой вопрос) либеральной идеологии. Заметьте, как повели себя российские либералы во время антиправительственных митингов. Они все принялись подпевать Вашингтону, а некоторые из них (российский филиал Института Катона) выложил в открытом доступе книгу Джина Шарпа «От диктатуры к демократии» - настоящий учебник по организации «цветных революций». Не могу представить, чтобы в США какая-нибудь российская НПО вела антилиберальную агитацию и несла в американские массы, к примеру, идею американского изоляционизма, покаяния за англосаксонский колониализм и их заигрывания с нацизмом. У нас же либералы получают доступ в вузы и школы, СМИ и коридоры власти.

Власть должна сохранять «пафос дистанции», как говорил Ницше. Если правитель свой в доску рубаха-парень, то и отношение к нему будет соответствующее. Он не должен закрываться в коконе, но и не приличествует ему пребывать в толпе. Лучше стать ближе народу путём решения его социальных неурядиц, а не пытаться компенсировать собственную экономическую несостоятельность непонятным братанием, которое, к тому же, без реального наполнения имеет афишный характер.

4. Чего ждать в будущем? Изменится ли природа политической борьбы (и вообще – сохраняется ли сегодня феномен «политической борьбы» или он вырождается в некий глобальный флеш-моб в интересах узкой группы элит)?

Рачья Арзуманян (Армения)

Политическая борьба сохранится, возможно изменив свои формы, используемый инструментарий. В данном случае важно различать, что помимо политической борьбы, формой которой является то же военное противостояние, существует и политика, истоки которой уходят в социальное и власть, природа которой остается неизменной. Меняются формы политической борьбы, остается политика и природа политического. Может ли политическая борьба свестись к «флеш-мобу»? В некоторых своих формах - почему бы и нет? Появление новой реальности – социальных сетей и Сети в целом, приводит к появлению новых инструментов отправления властных полномочий и политической борьбы, что ни в коем случае не отменяет старых, как, например, появление информационного общества не отменило земельную аристократию.

Более того, сегодня можно наблюдать всплеск дискуссий вокруг политических идей и идеологий. Резко выросло количество работ, в которых рассматриваются идейные и политические основы трансформирования существующего мирового порядка, сопряжения демократии, авторитаризма, либерализма и пр. На Западе идет интенсивный поиск новых форм идейной борьбы, попыток адаптировать старый инструментарий к меняющейся реальности.

Борьба политических идей на Западе - яркий признак и симптом напряженной политической борьбы и присутствия политического в глобальном обществе. Отсутствие

таких дискуссий на постсоветском пространстве неизбежно приведет к проигрышу в разворачивающейся борьбе за будущее. Рефлексивная оборонительная стратегия в условиях глобальной трансформации мировой системы изначально обрекает общество и государства на поражение. Наступает время креативных решений и творчества, когда на смену политике, как инструменту, приходит политическое творчество, которое дает крыльями, позволяющие опереться на ветры и вихри перемен.

Юрий Баранчик (Белоруссия)

Узкой элитной группе легче сформулировать свои цели и интересы. Поэтому нет ничего удивительного, что они более активно участвуют в политических процессах, чем распыленное и зачастую не осознающее своих интересов большинство. Мне кажется, что после длительного периода затишья связанного с полувекowym противостоянием двух глобальных игроков, начинается новое «восстание масс». Запад использует его в своих интересах и активно подпитывает как в информационном плане, как организационно-финансово, так и теоретически. Кто-то видит в этом угрозу и предпочитает охранительно-оборонительный способ реагирования. Мне кажется, что такой способ реагирования изначально проигрывает. Наоборот, надо более активно информационно вторгаться в происходящие процессы и навязывать свою информационную картину происходящего, а не копировать слепо западные информационные клише, как это делает подавляющее большинство российских информационных агентств и СМИ.

Сергей Гриняев (Россия)

Да, я считаю, что природа политической борьбы изменится. Хотя изменениям, чтобы войти в жизнь, потребуется не один год на утверждение в обществе. Считаю, что основа политических партий претерпит изменения столь значительные, что, в конечном счете, роль таких образований будут играть группы социальных сетей.

Вновь возродится понятие «политической программы». То, что сегодня низведено до образа рекламного буклета в ближайшем будущем вновь будет возрождено – необходимо станет не только объявлять о намерении что-то сделать, но и реально выполнять взятые обязательства. Это необходимо, так как современный обыватель станет более разборчивым и качество жизни для него будет определяющим при выборе той или иной политической группы в социальной сети. Соответственно, неисполнение взятых обязательств, а также появление новых нерешенных проблем заставят избирателей активно мигрировать в иные политические структуры.

Кстати, нет ничего предосудительного в самой технологии флешь-моба. Важно, чтобы массовое выступление находило отклик во властных структурах (и не только в правоохранительных).

Что касается политической борьбы как таковой, то, как я отмечал выше, сегодня по-прежнему соревнуются команды политтехнологов.

Так сложилось, что сегодня, в отличие от прежних времен, невозможно указать политического лидера (за исключением покойных ныне М.Каддафи и С.Ниязова), которые представили бы широкой общественности собственные взгляды по ключевым вопросам государственного строительства, нашедшие отражение в их трудах. Нынешние лидеры ограничиваются речами и выступлениями, интерес к которым пропадает уже на следующий день. Сегодня невозможно ознакомиться с трудами того или иного руководителя и понять, каких взглядов он придерживался (или придерживается) – как правило его политика будет отражать лишь текущую конъюнктуру, сложившуюся в

обществе. К сожалению, такая ситуация сегодня скорее правило, чем исключение. Как говорится – короля играет свита...

Эсен Усубалиев (Кыргызстан)

Я думаю, то, что мы сейчас наблюдаем, является вполне закономерным следствием информационной эры, когда политическая борьба из реальной плоскости все больше переходит в виртуальную конкуренцию и противоборство политических систем и идеологий, которые будут оказывать все возрастающее влияние не только на отдельные государства, но и на определенные слои населения, сформированные по идеологической, религиозной либо иной принадлежности.

Известные всем «принципы демократии и соблюдения прав человека», используемые США и их западными союзниками, и так погубили целый ряд стран и осложнили мирное существование многим народам мира.

Здесь также не избежать повышения роли транснациональных групп и движений как инструментов политики (преступные, террористические группы), которые не только своими действиями, но и посредством информационного пространства задают тон политическим процессам в региональном и мировом масштабе.

Например, является очевидным, что Аль-Каеда, а также такие связанные с ними организации, как Союз Исламского Джихада, Исламское Движение Туркестана, Исламское Движение Восточного Туркестана и многие другие, после вывода войск США из Ирака и переноса их внимания на Афганистан, будут определять общий режим безопасности, степени демократизации и приверженности правам человека государств Центральной Азии в ближайшие 10-15 лет.

Ойбек Махмудов (Узбекистан)

Для каждого региона характерны различия в организации и проведении мятежей, в связи с чем, методы внешних акторов, конечно, будут разными. В странах Африки и Ближнего Востока характерно сопротивление узкой группе местной элиты. Для Европы будут нарастать явления, связанные с недовольством ущемленных социальных слоев. В основном же волнения будут организовываться на волне финансового кризиса, когда резко возросло число безработных и недовольных существующим курсом правительств. То есть в развитых странах ожидается развитие волнений “отверженных”. И в данном случае само значение термина “политическая борьба” станет архаическим. В связи с чем, флеш-моб акции и социальные сети приобретут глобальное значение. Особую роль здесь сыграет высокий уровень доступа к информационным ресурсам.

Если ранее, до начала XXI века, подобные протесты проектировались при участии военных институтов, в основном экспертами по “противодействиям повстанческих движений”, то в последнее время военные скооперировались с гражданскими мозговыми центрами, где совместно предлагают применение технических новшеств по “зомбированию” населения для вовлечения его в протестные движения. В перспективе также ожидается интенсивное вовлечение нетрадиционных акторов в виде неправительственных организаций, транснациональных корпораций и др., в борьбу за сферы влияния в стратегических регионах, посредством использования “сетевых” акций. Таким образом, я предвижу развитие “цифровых” протестных форм.

Сергей Александров (Украина)

Все формы противоборства в современном мире (политического, экономического, военного и т.п.) все больше будут приобретать т.н. «информационную составляющую», основанную на развитии современных технологий воздействия на информационное пространство.

Владислав Гулевич (Украина)

Политическая борьба была и будет. Другое дело, что она приобретает вид глобального симулякра, но от этого она не перестаёт быть борьбой. Мы живём в мире подделок: бунтующие на улицах массы мнят, что они изъясляют свой протест, простой телезритель мнит, что информационные картинки, мелькающие у него перед глазами, и есть реальный ход политических событий. На самом деле обывателю скармливают «идеологический комбикорм» и он его терпеливо «жуёт». И в итоге протесты на улицах оказываются продвижением интересов США, а не борьбой за собственные права, а картинки на экранах телевизоров – путеводитель в строго обозначенном направлении. Эффективность такого подхода доказана, поэтому технологии «дёрганье за информационные ниточки» будут только усовершенствоваться. Если раньше политика и компьютеризация шли порознь, то сегодня политика зависит от компьютеризации, и наоборот.

5. Какова роль национального фактора в современной «информационализированной» политической борьбе?

Рачья Арзуманян (Армения)

Национальное самосознание остается фактором, который невозможно выключить или исключить из рассмотрения процессов на мировой арене. Другое дело, что это весьма своеобразный фактор, не поддающийся формализации. Отсутствует метрика, которая позволила бы «измерить» и учесть национальное в глобальных процессах. Огромные усилия, прикладываемые западной социальной наукой, чтобы формализовать сферу национального, не позволяют схватить главного. Остается нечто, что не может быть формализовано, однако именно оно определяет поведение народа в кризисные моменты. Некоторые рекомендации могут быть получены на основе исторической науки, но «дух народа» (используем данную формулировку) по-прежнему остается неформализованной величиной, во многом определяющей социальное поведение в кризисный период.

Юрий Баранчик (Белоруссия)

Здесь очень сложная и парадоксальная картина. Внешне, на уровне картинки, национальный фактор вроде бы доминирует. Именно вокруг него происходят события. Однако это обманчивое впечатление. На самом деле, на мой взгляд, национальная составляющая протестного движения используется исключительно как механика обращения народов к глобальным ценностям – свобода, равенство, которые одинаково важны как в Беларуси, так и в Ливии. Совсем другое дело, как эти открытые лозунги претворяются в реальной политике. На примере стран Арабского Востока мы видим, что под благовидными лозунгами осуществляется новое закабаление народов, происходит возврат неокOLONиализма. Если посмотреть на активность той же Франции то видно, что

она работает по своим бывшим колониям, которыми в свое время были и Ливия, и Сирия, в частности.

Но опять-таки хотел бы подчеркнуть: если одни силы используют очень высокую информационную открытость нынешних стран в своих целях нового закабаления народов, навязывания им парадигмы действия в рамках концепции «управляемого хаоса», то эта ситуация позволит и другим игрокам использовать высокую информационную открытость современного мира в своих интересах. И здесь мы видим, что другие игроки не готовы по разным причинам играть на столь высоком уровне. Вот над чем стоит думать и какую проблему в реальности решать.

Сергей Гриняев (Россия)

Я сомневаюсь, что в нынешних протестах играет существенную роль национальный фактор. Несмотря на провал, так называемой, политики мультикультурализма, за последние десятилетия мир прошел слишком далеко по пути глобализации. В нынешнем обществе национальные проблемы нивелированы, и не играют сколько-нибудь определяющего значения. Да, зачастую национальный фактор может быть разыгран (и часто разыгрывается) как козырная карта в провокации того или иного конфликта, но, подчеркиваю, сегодня национальный фактор уже не сможет играть значимого стратегического значения, от решения которого будут зависеть судьбы мира.

Что касается будущего, то роль национального фактора в решении стратегических задач будет снижаться – миграционные потоки, которые будут усиливаться по мере нарастания социальной напряженности в ряде регионов планеты, будут нести за собой культурную экспансию и серьезные проблемы коренному населению тех районов, которые будут захвачены этими потоками, но эти проблемы не окажут кардинального влияния, способного изменить судьбы мира. Полагаю, что в среднесрочной перспективе таким фактором будет оставаться доступ к энергоносителям и изменения среды обитания людей под воздействием изменений климата. Вот эти два фактора действительно будут определять будущее современной цивилизации.

Ойбек Махмудов (Узбекистан)

В целом роль национального фактора будет значительной в противостоянии процессам развития глобализации. И когда в странах Африки и Ближнего Востока осознают совершенные ими ошибки в отношении искоренения уничтоженных устойчивых прежде режимов, то в среднесрочной перспективе “толпа” опять пойдет и видится повторение событий. В этом случае национальный фактор будет служить объединяющим началом. В связи с тем, что данные страны уступают в информационных технологиях, то внешние игроки возьмут в свои руки управление ситуацией для смены неудобной им очередной системы.

Однако в среднесрочной перспективе роль национального фактора в информационной борьбе будет неоднородной в силу разного восприятия, технологического развития в регионах, а также снижение доверия сетям. Но, так или иначе, но актуализируется развитие “сетевых информационных” протестов. На место, которому придет новый тип борьбы в виде “виртуальных войн”. В них уже не будет надобности вовлечения массовости, а упор будет направлен на развитие мобильных кибер-групп. Проблема противодействия будет в том, что не будут определенных у них лидеров и постоянного местоположения штабов.

Для эффективного противодействия новым типам угроз необходимо, прежде всего, поддерживать по возможности высокий социально-экономический уровень для населения, развивать и усиливать свой культурный потенциал.

Сергей Александров (Украина)

Практически ни одной стране мира не удалось исключить влияние национального фактора на происходящие события. Часто это становилось заметной движущей силой в тех или иных изменениях.

Также нужно учесть, что на «национальном» факторе «модно» и «удобно» играть практически всем «игрокам».

Это предполагает, что в обозримом будущем большинство значимых событий международной жизни или жизни внутри страны будут иметь «национальные оттенки».

Владислав Гулевич (Украина)

Мы продолжаем жить в эпоху искусственного конструирования наций. На наших глазах заинтересованные круги «лепят» черногорцев, которые, в общем-то, являются сербами. На Украине наложено информационное табу на деятельность галицко-русских деятелей XIX в., которые освещали вовлеченность Варшавы, Вены и Берлина в создание из западной ветви русского народа украинской нации. Таких примеров немало. Идёт дробление больших геополитических пространств на малые осколки, где каждый осколок принадлежит какому-то народу, нередко выведенному, как грибы в теплицах.

Национальный фактор продолжит играть не последнюю роль в геополитических пасьянсах. Посмотрите, как активно Запад лоббирует тему Великой Черкессии, пробует взаимодействовать с татарскими, финно-угорскими, белорусскими, украинскими, прибалтийскими националистами. Националистические издательства находят средства и возможности выпускать свои агрессивные книги и газеты, запускать информационные порталы и кое-где прорываются на телевидение и радио. Поэтому тема «Информационные технологии на службе националистической идеологии» ещё долго будет актуальной. Сошлюсь опять на экспертную статью одной из прозападных НПО, где нюансировано анализировалась роль Глобальной Сети в деятельности зарубежной черкесской диаспоры, которую Запад старается бережно опекать для своих целей.